

Восточные коллажи

Рассказы

А. Н. Лозовой

Восточные коллажи

Рассказы

«Залив Чаек»
Повесть

Москва 2023

Автор выражает признательность
И. Кардашиди, В. Патхварии, Н. Грамматикопуло
за уточнение фактов в повествованиях

Лозовой А. Н.

Л72 Восточные коллажи. Рассказы; Залив Чаек: повесть. — М.: ООО «Сам Полиграфист», 2023. — 112 с.

ISBN 978-5-00227-019-4

Цикл рассказов и повесть А. Н. Лозового, связанные с Сухумом и Абхазией. В оформлении издания использованы фотографии, живопись и графика А. Н. Лозового.

На обложке и в тексте использованы
рисунки и фотографии А. Н. Лозового,
фото на клапане обложки — Д. В. Кузьмина

ISBN 978-5-00227-019-4

Коллаж — изображение, состоящее из различных наклеенных кусочков.

Эти истории происходили на Колхиде: в Абхазии, в Сухуме, примерно, в середине двадцатого века. В основном сатирические, повествования не лишены документальности; некоторые связаны с Японией и Индией.

О Сухуме писали многие, очень многие: фантаст Жюль Верн, который не был в Абхазии, пишет об окрестностях Сухума вполне реалистично: «...настоящие девственные тропики — со спутанными лианами и густыми кустарниками, которые отступают только перед железом и огнем, где хватает змей, волков, медведей и шакалов, — словом, чем не дебри Америки, перенесенные на побережье Черного моря!»*

Писатель-реалист двадцатого века Джеймс Олдридж, побывав в Сухуме, пишет, наоборот, фантастически, что во время подводной охоты проплывал над стоящими греческими мраморными статуями**.

Я постарался добавить новое — то, что узнал в юности от людей старшего поколения, и благодарен судьбе, что свела меня с очевидцами и участниками тех событий.

Случайных совпадений в тексте нет, имена достоверны.

---

*Неизвестный Жюль Верн. Полн. собр. соч. в 29 т. Т. 5: Упрямец Керабан. Вторжение моря. М.: Ладомир. 1995.

**Олдридж Дж. Подводная охота. М.: Физкультура и спорт. 1960.

Конский хвост

История произошла в большом кавказском селе. Две многодетные семьи и одиноко живущий крестьянин, соседи, поссорились из-за межи. Земли у всех было достаточно, но, как это обычно бывает, спор возник из-за нескольких метров, где сходились все три участка. Никто не хотел уступать, ссылались на границы своих предков. Неподалеку находился общий колодец, но на его собственность никто не посягал. С жалобами к сельским властям не обращались, понимали, что будут лишние траты, а дело вряд ли сдвинется. Спор оставался неразрешенным, открытый конфликт приутих.

Через некоторое время в одной из семей стали пухнуть дети, да и взрослые почувствовали себя неважно. Третьего участника спора — крестьянина (дети его жили в соседнем городе) стало бросать то в жар, то в холод, лихорадило.

Одним утром глава многодетной семьи, предполагая, что их сглазили, пошел за советом к знахарке, которая считалась еще и колдуньей, и жила на другом конце села. Знахарка велела ему прийти вечером (по утрам не гадают), а сама отправилась в село разузнать о подробностях конфликта, о котором уже краем уха слыхала.

Знахарка пошла в село окольным путем — краткий был опасен. Там жил человек, который недавно купил ружье и пытался испробовать его в действии. Он прицеливался в проходящих, а в одного даже и выстрелил. Ружье промазало. Владелец оказался им недоволен и вполне мог испробовать его еще раз.

В практике знахарки уже бывали подобные случаи и она вечером безапелляционно заявила: «Вам надо сменить воду! Здешняя вода вашей семье не подходит». — «Как же, всем другим подходит, а нам нет?» — «Если хотите остаться в живых, то срочно переезжайте к родственникам, а тем временем продавайте этот дом и купите в новом месте. И делайте это как можно скорее!»

Для сельских жителей очень тяжело переезжать с насиженного места, но делать было нечего, и они переселились к родственникам в село по соседству. Там все недуги как рукой сняло.

А оставшегося крестьянина дети уговорили лечь в городскую больницу. Через неделю лихорадка прекратилась. Врачи обследовали его и нашли уйму всяких болезней, прописали лекарства и выписали.

Через неделю после возвращения крестьянина опять начало лихорадить, но он обратил внимание, что оставшиеся соседи не берут воду из общего колодца, а ходят за водой значительно дальше, в другую сторону, к роднику.

Заподозрив неладное с водой, крестьянин процедил ее через марлю, на которой остались мелко нарезанные занозы-волоски. Сами по себе в воде незаметные, на марле они скучились и были ясно видны. На то он и был крестьянин, что определил — это тонко нарезанные занозы из конского хвоста.

Эти волоски длиной не более двух миллиметров впиваются человеку в кишечник и, видимо, при длительном пользовании такой водой наступает смерть.

И крестьянин пошел на хитрость. Он продолжал черпать воду из колодца на глазах у соседей, а они продолжали недоумевать, почему он еще до сих пор жив, или, по крайней мере, не в больнице. Крестьянин постоянно процеживал воду через марлю и вату, и жил назло соседям.

Волосков в колодце оказалось много. При взбалтывании воды ведром волоски со стенок и со дна колодца попадали в него. Может быть, соседи изрезали и не один конский хвост.

До свиданья, профессор

Молодой врач из интеллигентной дореволюционной семьи специализировался в Сухуме по курортологии, исследовал минеральные воды Абхазии.

Километрах в пятидесяти от побережья бил источник, который у местных жителей считался целебным и отличался особенным вкусом; к нему вела шоссейная дорога.

Врач взял пробу этой воды, отвез в Москву на анализ. Сама поездка в столицу тогда была не из легких: на пароходе до Новороссийска, а оттуда на поезде. В Москве подтвердили исключительные минеральные свойства и выдали соответствующее заключение. Вода оказалась поистине уникальной и, помимо вкусовых качеств, способствовала лечению от множества болезней.

Ближайшая к Сухуму из известных доступных вод была Боржом, но в самом источнике она отличалась от воды в бутылках — ту улучшали, добавляли углекислый газ. Самые большие естественные пузырьки газа содержатся во французской минеральной воде Перье.

Диктатор любил посещать Абхазию. От Сочи до Сухума у него было шесть дач, на которых постоянно дежурили повара на случай его внезапного приезда, всегда непредсказуемого из-за страха от предполагаемых покушений. Охрана также никогда не снималась с этих пустующих объектов. А дачи эти были в Сочи, в Гаграх, на озере Рица, в Мюссере, в Новом Афоне, в Сухуме. На озере Рица было даже две дачи: одна на скалистом берегу, другая — в том месте, где впадает в озеро речка Лашипсе. Эта дача называлась «Светлана», по имени дочери диктатора. При въезде в ущелье к этим двум дачам за сорок километров был установлен шлагбаум от посторонних и всю дорогу заасфальтировали, хотя основную трассу между Сочи и Сухумом по-прежнему поливали гудроном.

Любимая, так называемая «Дальняя дача» диктатора («Ближняя дача» была в Кунцево) находилась в Мюссере среди субтропического парка на берегу голубой лагуны, а далее шли холмы в радиусе пятнадцати километров, сплошь поросшие дубом, каштаном и грабом. Территория дачи со-

ставляла сто сорок четыре гектара, и было проложено восемь километров асфальтированных дорог.

Место это более комфортное нежели небезызвестная Пицунда, где гуляет ветер из ущелья и вода в море разбавленная и более холодная от большой горной реки Бзыби.

Расположение дачи было не только красивым, но и безопасным. Только после Великой Отечественной войны диктатор посещал эту дачу восемь раз.

Вот что написано в дореволюционном справочнике по Черноморскому побережью Кавказа:

...Имение Мюссера А. Г. Лианозова... не без основания считается лучшим местом так называемой Абхазской Швейцарии...

Редкостные климатические условия, благодаря защищенности мюссерского залива от западных ветров (прикрытием служит Пицундский мыс), хороший пляж, — все это служит залогом того, что в будущем Мюссера превратится в одно из лучших лечебных мест Побережья с обширным дачным поселком.

...Здесь почти нет туманов, сырости и испарений, а это редко встречается на Побережье...

<...>

Долина реки Мюссеры служит как бы огромным вентилятором, почему здесь почти и не бывает такой тропической жары, которая обычна на Побережье...

<...>

Несомненно, Мюссера разрастется, когда через нее пройдет строящаяся железная дорога...

Из тоннеля железной дороги на 149 версте (от Туапсе), в водораздельном хребте (между бассейнами реки Бзыби и Мюссеры) дорога вступает в долину реки Мюссеры и в этой долине, на 150 версте от Туапсе, проектируется станция Мюссера*.

Но всему этому не суждено было сбыться — ни курортному поселку, ни железной дороге. Так распорядился диктатор, но об этом ниже.

---

* Черноморское побережье Кавказа. Петроград, 1916.

После смерти диктатора это место оставалось привлекательным, но первые лица государства на даче не останавливались — отпугивала тень диктатора. Только Черненко однажды полюбопытствовал — приехал днем и на несколько часов.

В конце двадцатого века новый советский руководитель, тот, что с родимым пятном на лбу, стал перестраивать дачу на свой лад — под дворец приемов, но не успел — его спихнул с должности новый российский президент, а тому было уже не до дач — лишь бы удержаться у власти. У него, вопреки русской орфографии, даже окончание фамилии было не «-цын», а «-цин».

Этот первый российский президент строительство новой дачи прекратил, и вообще дач особо не посещал, так как помнил, что самого диктатора отравили на Ближней даче, другого сняли, когда он был на даче в Пицунде, а самого «меченого» изолировали на даче в Форосе.

Новая дача в Мюссере все-таки была завершена, но она находится в крайне неудачном сыром месте — прямо на берегу моря и под горой, за которую заходит солнце уже вскоре после полудня.

На этих дачах даже в самые трудные времена были залежи съестных припасов, а также дефицитная соль — после Великой Отечественной войны ее частенько не хватало. За эту соль однажды даже откупили человека.

Во время войны один сухумчанин по имени Ша́ли попал в плен к немцам и пошел добровольно служить в грузинский легион (ქართული ლეგიონი), который вскоре вошел в состав войск СС. В так называемом «грузинском легионе» служили не только грузины, но и выходцы из других народов Кавказа.

Одно доброе дело эсэсовец Шали все-таки совершил. В плен к ним попал его земляк — еврей, который играл на баяне в центральном ресторане Сухума. Его хотели расстрелять, но Шали вступился за земляка и сказал, что хорошо его знает и что он не еврей, а мусульманин, и, таким образом, спас ему жизнь.

Шали попал к нам в плен в Керчи и ему дали двадцать пять лет. Он был не из последней семьи в городе. Его дядя работал как раз на сухумской даче диктатора завхозом. На соли и

других продуктах были заработаны немалые деньги, и Шали выкупили.

На Кавказе даже при жизни диктатора такое было возможно. Хорошая взятка пересиливала страх наказания у чекистов.

Как-то Шали сидел на набережной и его опознал один из отдыхающих. Курортник разорвал на себе рубашку и показал следы от пыток. Он утверждал, что Шали пытал пленных и, в частности, его самого. Шали арестовали и отвезли в Тбилиси в Ортачальскую тюрьму, где ему грозил расстрел. Просидел он два с половиной месяца, боялся по ночам спать, чтобы спросонья не казнили — каждую ночь выводили на расстрел по пять-шесть человек.

К счастью, его сестра, совершенно заурядной внешности, была в свое время одной из любовниц правой руки диктатора, родом тоже из Сухума. Сестра обратилась к нему, и бывшего эсэсовца расстрел миновал. Деньги тоже были пущены в ход.

Вышел он через пять лет. Затем стал директором крупного продуктового магазина. Раз в неделю он посещал ресторан, где продолжал играть спасенный им еврей, тоже вернувшийся в Сухум, а жена его пела в этом же ресторане. В благодарность баянист пожизненно бесплатно обязан был накрывать Шали шикарный стол раз в неделю. А приходил Шали, как правило, не один, а с компанией друзей.

После смерти диктатора на даче «Светлана» чиновники разворовали мебель, ковры, картины, посуду и прочую утварь, а затем подожгли строение. По бумагам там велась постоянная реконструкция, которой на самом деле не было.

Виновных не оказалось — пожар, якобы, возник случайно. Сама дача стояла в красивом, но очень сыром месте, где даже из сухих веток трудно развести костер, а если его и можно разжечь, то разве что из зеленых веток самшита, в котором есть горючие эфирные масла.

Техническими сооружениями по безопасности на даче в Мюссере заведовал инженер Карабинович*. Его жена была родной сестрой супруги Мануильского — секретаря Исполкома Коминтерна, жившего в Киеве.

---

*В тюркских языках «кара» — черный, «бин» — тысяча.

Однажды Карабинович, проходя через парк на даче, встретил прогуливающегося диктатора в белом кителе. Это было неожиданно для инженера — даже он не знал, что диктатор приехал. Так состоялась их первая встреча.

Диктатор поинтересовался мерами предосторожности, а именно инженерными сооружениями по безопасности.

К этому времени уже была сооружена искусственная бетонная гавань, какой не было даже в приморских городах — на двести километров к Востоку вплоть до Поти и на сто километров к Западу до Сочи.

Вокруг дачи по холмам были проложены дороги, по которым днем и ночью ездили дозоры, построены за четыре километра от дачи корпуса для охраны и две электростанции. Одна из них была резервная. Электрокабели к даче проходили для большей скрытности под землей, хотя далеко не во всех окрестных селах было в то время электричество. Рядом с разрушенным домом Лианозова построили роскошную по тем временам дачу с двумя банкетными залами и чуть выше на холме — «Малую дачу», кинотеатр на одного человека, бильярдную, бассейн, двухэтажный дом для начальника личной охраны генерала Власика, подземный ход из самой дачи в отдаленное административное здание на холме.

Диктатору это показалось недостаточным. Он высказал инженеру намерение соорудить тоннель в два километра от дачи вдоль побережья с выходом к морю, и чтобы по тоннелю были проложены рельсы для дрезины. У выхода из тоннеля предполагалось сделать еще одну бухту, в которой бы постоянно находилась в полной готовности подводная лодка.

На какой случай бегства и куда?

В столице уже были завершены аналогичные подземные работы: из Кремля подземная железная дорога с дизелями и вагонами, выкрашенными в серебристый цвет, вела на запад города, а затем метро выходило на белорусскую железную дорогу. Промежуточный, запасной выход — здание в стиле ложного ампира, обнесенное по верху каменного забора колючей проволокой, — существует и по сей день рядом с мемориальной Кутузовской избой в Филях.

Эта правительственная подземная дорога доставила много хлопот при последующем строительстве московского метро.

Чтобы обойти ее под землей, пришлось очень глубоко прокладывать новую ветку и станцию «Парк Победы» с самым глубоким в то время эскалатором в московском метро.

— А где здесь собираетесь проводить железную дорогу на Сухум? — поинтересовался диктатор у Карабиновича, который был примерно на десять лет старше его.

— Еще до революции в десяти километрах отсюда пробиты два тоннеля, и дороге предполагалась пройти здесь, но нача-

Бухта, Мюссера, госдача

лась Первая мировая война, акционерное общество распалось и работы прекратились. Оставалось только проложить само полотно, — компетентно ответил инженер.

— Будет мне мешать. Отодвиньте дорогу.

— Тогда придется делать новые тоннели и, может быть, еще более протяженные, — попытался возразить Карабинович.

Дело в том, что сама железная дорога и уже существующие тоннели были спроектированы оптимальным образом с учетом рельефа и будущего развития региона.

— Делайте, как я сказал, — оборвал диктатор.

Пришлось строить два новых более протяженных тоннеля. Старые остались заброшенными, их входы обросли ежевикой и они получили название Змеиных тоннелей. Водятся ли там змеи или нет на самом деле, неизвестно, но в тоннели эти никто не ходит.

Чуть позже в Югославии новый ее правитель Иосип Броз Тито — ярый враг советского диктатора, тоже Иосифа —

Здание бассейна, Мюссера, госдача

решил построить себе дачу. У него уже было несколько дач, но ему приглянулось местечко в Игало на берегу Которского залива. Как назло, здесь уже была проложена австрийцами за пятьдесят лет до этого железная дорога между городами Дубровник и Герцег-Нови и она проходила как раз под окнами строящейся дачи. Вагоны издавали шум, паровозы дымили. Железную дорогу разобрали, а по полотну проложили водовод из Дубровника. «Посадите вокруг дачи пятьдесят кипарисов!» — распорядился Тито.

Сам он не жаловал сербскую православную церковь и гнобил ее, но желал, чтобы его дом выглядел как традиционный храм: черепичная красная крыша среди стрел кипарисов.

У диктаторов какая-то странная неприязнь к железным дорогам. Мне довелось побывать в Садах Святой Клотильды на востоке от Барселоны. Я дружил с Педро Ровиралта — сыном владельца поместья. Застал в живых его бабушку и отца — бывшего франкиста. Место это на берегу моря, на холме, с роскошным парком, и туда часто любил приезжать и останавливаться сам диктатор Франко. Однажды он узнал, что рядом собираются прокладывать железную дорогу и распорядился, чтобы ее отвели подальше — за прибрежные холмы. Так и сделали.

Диктатор приказал Карабиновичу документацию по всем этапам тайного строительства тоннеля передавать ему лично, минуя промежуточные инстанции. Он хотел держать это в секрете даже от своего ближайшего окружения.

За два года все указания были выполнены. В один из следующих приездов диктатор с инженером осмотрели тоннель. Подводная лодка стояла в положенном месте. Оставалось проложить по тоннелю рельсы. (Но это так и не было осуществлено — из-за смерти диктатора. В корпусах для охраны открыли школу-интернат, и ученики школы убегали и прятались именно в этом тоннеле.)

Диктатор пригласил инженера прокатиться на катере, чтобы продолжить разговор о дальнейших сооружениях.

Катер шел от дачи в сопровождении сторожевых катеров, которые находились здесь постоянно.

У одной из скал, выступающих в море, диктатор заметил фигурки людей.

— Кто эти люди и что делают? — спросил он у директора дачи, который их сопровождал.

— Это греки, они собирают устриц и мидий, — последовал ответ.

— Смотри, какие аристократы! Устриц едят! — И продолжил, — Кавказ должен быть только для кавказских народов, а они пришлые. Нужно их будет переселить. Где им будет лучше?.. В Средней Азии я думаю. А сколько их всего живет? И за какое время всех отсюда можно переселить?

— Около ста тысяч, а вывезти можно в течение недели.

— Когда будем это делать, то за трое суток.

К этому времени диктатор именовался «отцом всех народов», поэтому он с отеческой заботой и переселял народы.

Вместо греков поселили крестьян из центральных областей Грузии, где земля похуже, и создали специальный Переселенстрой, чтобы для прибывших на новые места построили жилье.

— А пока, — продолжил диктатор, — пускай отвыкают от деликатесов и привыкают к будущей степной здоровой пище. Нужно уничтожить этих устриц и мидий! И немедленно осуществляйте!

С греками поступить было проще, чем с мидиями. В переселении народов у советской власти имелся опыт, а в переселении устриц его не было. Этим приказом были озадачены и военные, и в рыбном ведомстве, но о том, чтобы выловить всех мидий и устриц на побережье Кавказа не могло быть и речи. Обратились к ученым — те предложили отравить прибрежную флору, но затем, еще подумав, нашли иной выход. Решено было привезти рапанов — крупных моллюсков, очень быстро размножающихся и все пожирающих на своем пути, в том числе и корм для мидий и устриц.

Рапаны водились в Тихом океане, в Японском море. Их доставили в Черное и разбросали по прибрежным водам. Об этом диктатору и было доложено.

Пятьдесят шесть тысяч греков выселяли с 19 июня 1949 в течение трех суток. Оставили только тех, кто являлся членом партии и находился на государственной службе. Стоило ли грекам бежать от турок на Кавказ во время Первой мировой войны, чтобы через тридцать пять лет быть высланными еще подальше?

А рапаны продолжали быстро размножаться по всему побережью.

Генералам, руководившим выселением народов, диктатор выдавал награды, как за боевые подвиги, в частности «Орден Суворова».

Заодно в 1952 году в Сухуме закрыли Русский театр, а педагогический институт назвали именем Берии — уроженца этих мест.

Но переселенцев власть также обманула. Обещали перевезти вместе с их деревянными домами, но просчитали, что построить новые будет дешевле. Люди поначалу ютились как могли. Перевезли быстро, а жилье строили постепенно. Благо, что зима теплая и почти без снега. Иногда делали и так — завезут во двор к переселенцам новые доски, выгрузят: «Вот ваш дом!»

В Сухуме вначале даже обрадовались таким диковинкам как рапаны. Из них стали делать сувениры. Некоторые приспособились даже коптить их мясо. Кое-кто посчитал это деликатесом. Устрицы перевелись окончательно, не стало знаменитой гудаутской устричной косы, мидий стало значительно меньше, но произошло это только через два десятилетия после смерти диктатора.

Какие еще были взаимоотношения у диктатора с Карабиновичем — неизвестно. Видимо, инженер знал нечто такое, что компрометировало пришедших после диктатора наследников. Сразу же после смерти диктатора Карабиновича отравили в его квартире в Тбилиси.

Сестра жены Карабиновича, после смерти своего мужа Мануильского в 1959 году, продолжала жить в Киеве в прежней квартире в так называемом «Доме правительства». Фасад его украшал первый в России бетонный барельеф архитектора Мельникова. Затем вдова тяжело заболела и попала в больницу. Врачи почти не сомневались в летальном исходе, но она каким-то чудом выкарабкалась и прожила еще достаточно долго. Однако когда вернулась из больницы в квартиру, обнаружила, что все рукописи и дневники Мануильского бесследно исчезли.

Молодой врач из интеллигентной семьи с бутылочкой минеральной воды и сопроводительными документами появился в Мюссере. Охране диктатора он объяснил, что открыл необыкновенные целебные свойства нового минерального источника и хочет предложить отведать этой воды диктатору.

Врача допросили, предположив, что вода отравленная. Затем доложили диктатору и передали документы на воду. Диктатор решил, что неплохо пить не только Хванчкару, но иногда и минеральную воду и приказал своим охранникам

поехать вместе с врачом и набрать воды непосредственно из самого источника.

Диктатор попробовал воду, она ему пришлась по вкусу и он решил пить ее и впредь. Затем диктатор пожелал увидеть врача. Диктатор взглянул на него и произнес: «До свиданья, профессор».

На этом аудиенция началась и закончилась.

Затем диктатор стал вспоминать своих сухумских знакомых: «Со мной учился в семинарии такой-то, где он теперь? Выясните!» — Обиду на него диктатор, видимо, не таил.

Немедленно выяснили — умер.

Если бы он был жив, диктатор непременно затребовал бы его к себе и неизвестно, с какими последствиями для соученика.

— У него остался сын.

— Кто он?

— Обыкновенный врач.

— Пусть будет министром здравоохранения Абхазии.

Он и был назначен министром, и оказался отъявленным жуликом и первостатейным взяточником.

Врач из интеллигентной семьи вернулся в Сухум и через некоторое время пришел ему из Москвы диплом профессора медицины.

В Сухуме говорили, что воду из источника время от времени разливали в специальные емкости, опечатывали, пломбировали и отправляли с егерями в Кремль диктатору. Позже эта вода поступила в продажу под названием «Аватхара» по имени места, где находится источник.

Ореховая трубка

Алим верил в существование духов лесов и гор, и в этом он убедился на личном опыте.

Он гостил в абхазском селе, в долине между холмами, поросшими дубом и каштаном. Море находилось в пяти километрах, а до высоких скалистых гор — отрогов Кавказского хребта, защищавших от холодных ветров, — было километров пятнадцать.

Зима в селе мягкая, а жарким летом проносился ветерок с моря. Земля орошалась многими ручьями, но сырости не было. Это было одно из мест, где если выращивать и курить собственный табак, не поливая его селитрой, и пить свое вино, спокойно можно прожить до ста лет и более. Не зря диктатор выбрал себе дачу именно в этой местности — за грядой холмов у моря находилась Мюссера.

Пребывание Алима в селе пришлось на одно из летних полнолуний. В эту ночь, по древнему абхазскому преданию, к селу должны были выйти из леса ацаны — маленькие человечки, похожие на гномов. Они появлялись только раз в году, и по их поведению и знакам можно было узнать, что произойдет в том или ином доме.

Вечером человек пятнадцать местных жителей разных возрастов, среди них были и две девушки, расположились на холме над селом, на поляне у дубового леса. Одну девушку звали Майя, а другую Чичка. Официально ее имя было Лариса, которое не афишировалось, а Чичка — защитное, от сглаза, потому что кто не знает настоящего имени человека, не сможет нанести ему вред колдовством.

Наставления на бзыбском диалекте абхазского языка давал старик, который видел ацанов уже не раз: у каждого должна быть палка именно из ореха, и тот, кто первым увидит ацанов, не должен произносить ни звука, а толкнуть сидящих рядом палкой и указать на человечков.

Все пребывали в непривычном возбуждении, девушек посадили в середину, а Алима, как гостя, рядом со стариком.

Быстро стемнело, как это всегда бывает в субтропиках, появилась луна, и в какой-то момент перестали стрекотать кузнечики. Сидящий неподалеку от Алима парень стал тол-

кать соседей палкой, и показывать на тропу, выходящую из темного оврага.

Даже в яркий солнечный летний день в овраг не попадал свет — так сплетались над ним ветки каштанов. По оврагу протекал ручей. Осенью каштаны не нужно было собирать по земле: они падали в воду и скапливались на дне заводей. Оставалось только перекладывать их в корзины. Если каштанов очень много — зима будет снежной, что здесь редко.

Алим и так смотрел все время в эту сторону. Ацаны, как ему объяснили, выходили обычно из этого оврага. Но когда палка коснулась Алима, он сразу увидел уже пятерых ацанов, идущих по направлению к селу. Затем из оврага показалось еще четверо.

Когда первые ацаны вышли, Алим не мог их увидеть прежде, чем его коснулась палка. Первому заметить ацанов было дано только одному из присутствующих.

Ацаны вошли в село. Собаки не проявляли никакого беспокойства — лая не было. Человечки шли вереницей, и от них доносился тихий звон, как от колокольчиков.

Дома по селу были разбросаны, и ацаны пошли по одной из дорог. Какое-то время они не были в поле зрения, но затем появились и пошли по дороге между холмом с наблюдавшими и крайними домами.

У одного из домов они остановились. В руках у ацанов засветились маленькие огоньки, но это не были свечки или фонарики. Огоньки напоминали светлячков, но не мигали. Это означало, что в доме родится ребенок.

Затем ацаны остановились у другого дома. Послышалось мычание коров, но ни ацаны, ни домашние животные никаких звуков не издавали — значит, скот у хозяина или падет или его угонят.

Когда ацаны подошли к следующему дому, раздался звон посуды — в этом доме должна быть свадьба.

Теперь уже ацаны находились довольно близко от наблюдавших. Одеты они были во что-то похожее на кафтаны, все в сапожках, а на головах шапочки. Возрастом — не молодые и с бородками. Первым, видимо, шел самый главный. Никаких отличий у него не было, но люди привычно считали, что кто-то обязательно должен быть руководителем.

У большого двухэтажного дома с роскошной каменной лестницей послышался свист. Это означало, что в семье будут денежные утраты.

У следующего дома ацаны остановились, и послышался скрип открываемых ворот, калитки, дверей, хотя все оставалось запертым — предзнаменование, что в семье или у ближайших родственников кто-то сильно заболеет.

У небольшого бедного дома послышался шум автомобиля — хозяева переедут в другое место.

Ацаны остановились около кузницы и наступила полная тишина — знак того, что кузница перестанет существовать.

Далее ацаны свернули к лесу, стали подниматься по тропинке на другой дубовый холм, и тут послышались рыдания и плач. У последнего из ацанов в руках появилось что-то наподобие чаши. Ацаны скрылись в лесу, а рыдания всё доносились.

Это предвещало чью-то смерть, но к какому-либо дому в селе не относилось, а в лесу домов не было. Правда, в том направлении, куда пошли ацаны, была Мюссера с как раз находившимся там диктатором. То есть ацаны отправились прямиком к нему с сопровождавшим их плачем.

Верным признаком того, что диктатор приехал в Мюссеру, было появление по всей округе на проселочных дорогах патрулей, которые останавливали проходящих крестьян. Паспортов у колхозников не было, а свободные крестьяне не брали их с собой на полевые работы, поэтому все подвергались долгому и тщательному допросу на месте.

«Значит, он издохнет в ближайшее время», — произнес старик. Он сам много претерпел от советской власти, а его брат во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам и за это отбывал в Сибири пятнадцатилетний срок.

Предсказания ацанов сбылись.

Среди наблюдавших на холме был хозяин дома, около которого раздалось мычание, и он тщательно стал караулить своих коров. И действительно, однажды их чуть не угнали, но он упредил кражу.

Владелец большого двухэтажного дома потерял в городе свою доходную должность, что сильно ударило по карману.

Из маленького бедного дома семья переехала в город. Им не стали сообщать о предсказаниях ацанов, но для сельчан это не стало неожиданностью.

Кузнецу также ничего не рассказали. Зачем заранее расстраивать человека дурной вестью, что, может быть, кузница сгорит. Но кузница не сгорела. Кузнец тоже перебрался в город и стал работать на литейном заводе. В селе для него было уже не так много дел. На заводе и работа была легче и зарплата больше. То есть кузнец не захотел прожить в селе до ста лет и более.

У дома со скрипом ворот хозяин пострадал в автомобильной аварии.

В доме, у которого ацаны были с огоньками, через год родился ребенок.

Какие знаки подавали ацаны в селе, когда они не были видны наблюдавшим, оставалось только догадываться.

Алиму объяснили смысл звуков и знаков те, кто уже не раз приходил на холм в эти лунные ночи, в частности сам старик. Значение чаши он объяснил тем, что человек умрет не своей смертью, а его отравят.

Правда, Майя ничего не увидела: она пришла с палкой, выдернутой из забора, которая оказалась не ореховой, а дубовой.

Другие жители села не пришли смотреть на ацанов по своим причинам: кто-то просто побоялся заглянуть себе в будущее, другие же из суеверного страха посчитали, что увидеть ацанов — навлечь беду.

Алим понял, для чего нужно приходить на встречу с ацанами: прошлое изменить нельзя, а будущее можно, если ты о нем знаешь.

Ацаны оказались у дачи в Мюссере. Диктатор сидел на открытой веранде в угрюмом одиночестве и держал в руках потухшую трубку из ореха. Спать он ложился всегда поздно. Заметив вереницу людей на дороге в парке, он нажал сигнальную кнопку и тут же появилась охрана.

— Что за люди в парке?

— Там никого нет,— ответил один из охранников.